

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра всеобщей истории

Английские путешественники о Франции и французах в начале XIX века

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 2 курса 262 группы

направления 46.04.01 «История», профиль «Интеллектуальная жизнь Запада:
от средних веков к современности»,

Института истории и международных отношений

Беспаловой Дарьи Алексеевны

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор _____ А.В. Гладышев
подпись, дата

Зав. кафедрой

доктор исторических наук, профессор _____ Л.Н. Чернова
подпись, дата

Введение. История англо-французских отношений отличается особой напряжённостью и драматизмом. На протяжении многих столетий Англия и Франция неоднократно оказывались втянутыми в кровопролитные вооружённые конфликты, вследствие чего в массовом сознании их народов закреплялся образ «взаимного» врага. Вместе с тем даже в периоды острого противостояния между двумя странами сохранялись устойчивые культурные и политические контакты, которые могли способствовать росту взаимного интереса, симпатии и одновременно усилению враждебности. Революция, а затем Наполеоновские войны на продолжительное время развели Англию и Францию по противоположным сторонам политического и военного конфликта. Прямые связи между ними оказались фактически прерваны. В условиях изоляции усиливались страхи и недоверие, а главным источником сведений о «другом» становилась государственная пропаганда. Завершение Наполеоновских войн обозначило начало нового этапа в истории англо-французского взаимодействия. Мирное урегулирование стало важным сигналом для британцев, утомленных длительным военным противостоянием и стремившихся к новым впечатлениям. Париж – символический центр Французской революции – превратился в пространство притяжения для любопытных путешественников и искателей приключений. В 1814 г. в столицу Франции устремился настоящий «ливень из англичан»: ежедневно в город прибывало около пятисот иностранцев, значительную часть которых составляли выходцы из Англии. Среди них были дипломаты, военные, журналисты, представители свободных профессий, а также обычные путешественники, движимые познавательным интересом. Послевоенный приток британцев в Париж свидетельствовал не только о наступлении мира, но и о формировании туризма в его современном понимании – как практики, обусловленной любопытством, поиском новых коммерческих перспектив и стремлением собственными глазами увидеть город, ставший центром революции и империи.

Степень изученности темы. Научную литературу, используемую при работе, можно условно разделить на несколько тематических групп.

Важные для нас теоретические и методические аспекты мы можем обнаружить в исследованиях, посвященных приемам работы с травелогами (работа О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова¹), анализу повседневности (работа Н.Л. Пушкаревой²) или формированию национального характера (работы А.М. Черныша³ и А.П. Василевича⁴), а так же авторы которые связывают свои труды с, собственно, имагологией (работы М.А. Бойцова⁵, О.С. Поршневой⁶, В.В. Орехова⁷). Как отдельную группу можно представить исследования, касающиеся конкретно-исторических вопросов представлений европейцев о Франции и французах в н. XIX в., с одной стороны, и представлений французах об иных народах и странах, с другой (работы отечественных франковедов В.А. Мильчиной⁸, М.В. Губиной⁹,

¹ Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург, 2021. – 266 с.

² Пушкарева, Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований, 2010 [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 01.05.2024) – Загл. с экрана.

³ Черныш, А.М. К вопросу о сущности национального характера // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 243–255.

⁴ Василевич, А.П. Откуда берется представление о национальном характере? // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 76–88.

⁵ Бойцов, М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова и Ф. Б. Успенского. – СПб., 2010. – 384 с.

⁶ Поршнева, О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская науч. конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д.и.н., проф. А.В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. – Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 126–129.

⁷ Орехов, В.В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. – 2020. – № 14. – С. 143–167.

⁸ Мильчина, В.А. Эстетика раннего французского романтизма. – М., 1982. – 479 с.; Мильчина, В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. – 944 с.

⁹ Губина, М.В. «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник 2013. – М. – Т. 45. – С. 194–200.; Губина, М.В. Франция в восприятии русских военных – эволюция стереотипов (1814–1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. сб. ст. вып. 1. / отв. ред. А.В. Голубев. – М., 2000. – С. 136–147.

А.В. Гладышева¹⁰, А.В. Чудинова¹¹, Н.В. Промыслова¹² и В.С. Болт¹³ (Пруцакова), а также зарубежных авторов – М.-П. Рей¹⁴, А. Собуля¹⁵ и Ж. Тюлара¹⁶, Семмела Стюарта¹⁷, Алана Форреста¹⁸). Значительное место среди работ современных российских англоведов, занимающихся вопросами имагологии применительно к периоду н. XIX в. и посвященных восприятию англичанами «Другого», отметим работы Н.И. Храпунова¹⁹, Т.А. Косых²⁰, В.С. Еремина²¹.

Цель работы состоит в том, чтобы при всех различиях авторских акцентов выявить в британских травелогах их общие составляющие образа Франции и французов в начале XIX века.

В связи с указанной целью были поставлены следующие **задачи**:

¹⁰ Гладышев, А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2017. – Т. 59. – С. 136–150; Гладышев, А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018. – М. – Т. 51. – С. 10–21; Гладышев, А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. – 2022. – № 4. – С. 151–168.; Гладышев, А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. – М., 2019. – 407 с.

¹¹ Чудинов, А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, У. Годвин, Дж. Макинтош. – М., 1996. – 301 с.

¹² Промыслов, Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. – М., 2016. – 254 с.

¹³ Болт, В.С. Конфликты между французским населением и военнослужащими русского оккупационного корпуса в 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2020. – М. – Т. 53. – С. 185–195.

¹⁴ Рей, М.-П. 1814. Царь в Париже. – М., 2017. – 247 с.

¹⁵ Собуль, А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. – М., 1971. – С. 233–254.

¹⁶ Тюлар, Ж. Наполеон или миф о «Спасителе» / пер. с фр. А. Бондарева. – М., 2009. – 362 с.

¹⁷ Semmel, S. Napoleon and the British. – New Haven; London, 2004. – 376 p.

¹⁸ Форрест, А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн / пер. с англ. А.Ю. Терещенко. Под ред. А.В. Чудинова, Н.В. Промыслова. – М., 2022. – 280 с.

¹⁹ Храпунов, Н.И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. – Севастополь, 2022. – 360 с.

²⁰ Косых, Т.А. Британский взгляд на французскую оккупацию Испании и Португалии в 1807–1814 гг. // Французский ежегодник 2019. – М. – Т. 52. – С. 203–216.

²¹ Еремин, В.С. Образ армии союзников на страницах британских травелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, А.С. Мезина. – Саратов, 2021. – №22/23. – С. 183–196; Еремин, В.С. Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг. // Французский ежегодник 2021. – М. – Т. 54. – С. 324–347.; Еремин, В.С. Солдаты армии союзников после Ватерлоо: взгляд британской путешественницы Ш.А. Итон // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов, 2023. – Вып. 27. – С. 59–68.

– Выявить и конкретизировать основные характеристики среды обитания французов в британских травелогах, так как в общественном сознании того времени все еще была распространена идея о зависимости национальных характеров от природно-климатических факторов и об отражении национального характера во внешнем виде пространства обитания человека;

– Конкретизировать представления англичан о французской власти, персонафицированные в образе Императора французов;

– Показать особенности восприятия победителями (британцами) побежденных (французских военных);

– Установить специфику изображения англичанами французской повседневной жизни, их обычаев, нравов, манер и французского национального характера.

Научная новизна исследования заключается в одной из первых в отечественной исторической науке попыток системного анализа образа Франции и французов в восприятии английских путешественников начала XIX века.

Практическая значимость исследования определяется введением в научный оборот широкого комплекса источников: путевых записок, дневников и иных текстов английских авторов XIX века. Значительная их часть ранее не становилась предметом специального анализа, что расширяет источниковую базу изучения английских представлений о Франции и механизмов формирования национальных образов и культурных стереотипов.

Методологическую основу составляет историко-антропологический, сравнительно-исторический подходы, а также подходы гендерной истории, истории повседневности и интеллектуальной истории. В работе используются биографический и герменевтический методы, а также элементы контент-анализа. Их применение позволяет выявить общие мотивы, устойчивые оценки и индивидуальные особенности описания Франции, учитывая происхождение, образование, политические взгляды и социальный статус путешественников.

Объектом исследования выступают представления англичан о французах, сформировавшиеся непосредственно под впечатлением их посещения Франции

сразу после окончания Наполеоновских войн.

Предметом исследования выступают отраженные в путевых записках англичан образы Франции (столицы, провинции, исторического прошлого) и ее жителей (быта, нравов, культуры, характера, политической жизни).

При написании работы использовались *письменные нарративные источники*: «Путешествие по Франции в 1814 – 1815 годах: включая описания проживания в Париже во время пребывания союзных армий, и в Эксе, в период высадки Бонапарта» Арчибальда Элисона²², «Посещение Парижа в 1814 году: обзор морального, политического, интеллектуального и социального состояния французской столицы» и «Париж, возвращение в 1815 году через Брюссель: включая прогулку по полю битвы при Ватерлоо» Джона Скотта²³, «Дневник Джона Мэйна, составленный во время поездки по континенту после его повторного открытия после падения Наполеона, 1814 год»²⁴, «Путешествие по некоторым частям Франции, Швейцарии, Саксонии, Германии и Бельгии в течение лета и осени 1814 года» Ричарда Бойла Бернарда²⁵, «Альпийские эскизы, включающие короткое путешествие по частям Голландии, Фландрии, Франции, Савойи, Швейцарии и Германии»²⁶ Джорджа Уилсона Бриджеса, «Отчёт о визитах Шелли во Францию, Швейцарию и Савойю в 1814 и 1816 годах»²⁷ Чарльз Айзек Элтон, «Путешествия по Франции и Испании в Марокко: повествование о пребывании автора

²² Alison, A.B. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte. – Edinburgh, 1815. – Vol. 1. – 289 p.; Alison, A.B. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte. – Edinburgh, 1816. – Vol. 1. – 363 p.

²³ Scott, J. A Visit to Paris in 1814: Being a Review of the Moral, Political, Intellectual, and Social Condition of the French Capital. – London, 1815. – 432p.; Scott, J. Paris revisited, in 1815, by way of Brussels: including a walk over the field of battle at Waterloo. – London, 1816. – 405p.

²⁴ The journal of John Mayne, during a tour on the continent upon its reopening after the fall of Napoleon, 1814 / ed. by his Grandson John Mayne Colles with numerous illustrations. – London; New York, 1909. – 376p.

²⁵ Bernard, R.B. Tour through some parts of France, Switzerland, Saxony, Germany, and Belgium, during the summer and autumn of 1814. – Philadelphia, 1821. – 234p.

²⁶ Bridges, G.W. Alpine sketches, comprised in a short tour through parts of Holland, Flanders, France, Savoy, Switzerland and Germany. – London, 1814. – 329 p.

²⁷ Elton, C.I. An Account of Shelley's Visits to France, Switzerland, and Savoy, in the Years 1814 and 1816. – London, 1894. – 263 p.

в этой империи»; с отчётом о британском посольстве при дворе Марокко при покойном Джордже Пейне»²⁸ Мориса Багенала Сент-Леджера Китинга, «Путешествия Ее Величества Каролины, королевы Великобритании: включая посещения различных частей Германии, Франции, Италии, Греции, Палестины и т. д., а также содержащие новейшие описания этих интересных стран: с замечаниями о состоянии общества, религии, нравах, обычаях, древностях, искусстве, литературе, природных диковинках и т. д.»²⁹ Джона Адольфуса. Также в поисках комментариев и откликов на эти травелоги нами использованы некоторые *периодические издания* того времени³⁰.

Магистерская работа состоит из введения; трех глав (первая глава – Пространственные образы Франции и ее столицы, вторая глава – Военно-политические образы: «свои» и «чужие» – состоит из двух параграфов, третья глава – Французы в повседневной жизни – состоит из двух параграфов); заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы. В сознании значительной части современников рассматриваемой эпохи было укоренено представление, восходящее к идеям Ш. Монтескье, о существенном влиянии природно-климатических и географических условий на характер народов, их нравы, обычаи и формы общественной жизни. В рамках подобной интеллектуальной установки, близкой к концепции географического детерминизма, общественное развитие рассматривалось как во многом обусловленное воздействием природной среды. Поэтому анализ британских представлений о Франции целесообразно начинать с образов пространства, ландшафта, городской и провинциальной среды, через которые путешественники конструировали образ «Другого».

²⁸ Keatinge, M. Travels Through France and Spain to Morocco: Comprising a Narrative of the Author's Residence in that Empire; with an Account of the British Embassy to the Court of Morocco Under the Late George Payne. – London, 1816. – Vol. II. – 274 p.

²⁹ Adolphus, J. Voyages and travels of Her Majesty, Caroline, queen of Great Britain: including visits to various parts of Germany, France, Italy, Greece, Palestine, &c. &c., and comprising the latest description of those interesting countries: with remarks on the state of society, religion, manners, customs, antiquities, arts, literature, natural curiosities, &c. &c. – London, 1821. – 794 p.

³⁰ North-American Review and Miscellaneous Journal. – Boston, 1833. – Vol. XXXVII. – 556p.

Английские авторы охотно описывали свои ожидания от встречи с Францией. Приближение к Парижу нередко вызывало у них тревожные и возвышенные чувства: столица воспринималась как место недавних революционных потрясений, политического насилия и наполеоновского деспотизма. Дж. Скотт, направляясь в Париж, размышлял о «вулкане» событий, изменивших Европу, и стремился увидеть «логово», из которого был изгнан «лев». Дж. У. Бриджес, въезжая во французскую столицу, связывал ее образ с революционными убийствами, изгнанием тирана и кровью, еще недавно пролитой на окрестных равнинах.

Французская провинция в британских травелогах предстает неоднозначно. Одни путешественники отмечали ухоженность полей, виноградников, деревень и дорог. Так, Р. Бернارد был приятно удивлен благоустройством окрестностей Бове и состоянием дорожной инфраструктуры. Другие, напротив, фиксировали признаки упадка, дезорганизации и разорения. Дж. Скотт, описывая путь из Кале в Париж, обращал внимание на разрушенные замки и общее ощущение утраченных возможностей. А. Элисон подчеркивал контраст между английской и французской провинцией: французские города казались ему бедными, старыми и запущенными. Его интересовали и хозяйственные аспекты – качество почв, пастбища Нормандии, молочное производство, торговля, что свидетельствует о характерном для британского наблюдателя утилитарном взгляде на пространство.

Особое место в британских описаниях занимает Париж. Путешественники ожидали увидеть столицу, достойную славы великой державы и культурного центра Европы, однако первое впечатление часто оказывалось двойственным. Париж поражал сочетанием бедности и великолепия, архитектурного разнообразия и бытового неудобства, исторического величия и следов недавнего насилия. Элисон считал показательным облик площади Людовика XV, где, по его мнению, проявлялась характерная для столицы смесь национальной мощи и деградации индивидуального значения. Он обращал внимание на мрачные дома, узкие средневековые улицы, отсутствие тротуаров, но одновременно признавал живописность Парижа, особенно в сравнении с более однообразным Лондоном.

Высокие дома, острые крыши и разнообразие городских перспектив создавали, по его словам, особую выразительность французской столицы.

Наряду с открытыми городскими пространствами путешественников привлекал и скрытый Париж, прежде всего катакомбы. Бриджес подробно описывал их как систему подземных галерей, где покоятся останки миллионов людей. Физическая специфика этого пространства – глубина, постоянная температура, темнота, ряды костей и черепов – производила на него сильное эмоциональное воздействие.

Провинциальная Франция в травелогах также служила материалом для более широких выводов о состоянии страны. Перси Шелли противопоставлял Францию Англии, утверждая, что между французскими городами существовало меньше связей, чем между английскими. Причину он видел в паспортной системе и ограниченной мобильности населения. Показательной для него стала реакция жителей провинции на падение Наполеона: некоторые еще не знали о произошедших событиях, что воспринималось как свидетельство изоляции. Шелли резко описывал разрушенные деревни, грязь, запустение и страх перед возможным возвращением казаков. Однако рядом с такими местами он находил и другие – чистые, гостеприимные, занятые восстановлением.

В английских травелогах первой четверти XIX в. образ Наполеона Бонапарта формировался в контексте уже сложившейся при его жизни мифологизации, представленной «белой» и «черной» легендами. Британские путешественники, посещавшие Париж, Ватерлоо, Аяччо и другие места, связанные с биографией и военными кампаниями императора, воспринимали его фигуру через призму недавнего политического противостояния. В большинстве свидетельств доминировала «черная» легенда: Наполеон изображался деспотом, узурпатором, человеком безнравственного честолюбия, склонным к жестокости, лести, политическому прагматизму и пренебрежению человеческими жертвами. Авторы подчеркивали разрушительный характер его войн, репрессивность режима, зависимость власти от пропаганды, контроля над прессой, школами и общественным мнением.

Вместе с тем травелоги фиксируют не только враждебные оценки, но и сложность восприятия Наполеона современниками. Даже критически настроенные британцы признавали его военный талант, личную харизму, политическую энергию и способность воздействовать на массы. В описаниях Дж. Скотта, А. Элисона, Дж. Мэйна, Р. Бернарда и других авторов постоянно проявляется противоречие между осуждением императора как тирана и признанием масштаба его личности. Особенно заметна эта амбивалентность в рассказах о французах: крестьяне и горожане могли выражать недовольство рекрутскими наборами, войнами и полицейским контролем, однако значительная часть общества, прежде всего солдаты, сохраняла к Наполеону привязанность, восхищалась его победами и воспринимала его как символ национальной славы.

Противостояние Великобритании и Франции в эпоху Революции и Наполеоновских войн обусловило повышенное внимание британских травелогов к армии и военному делу. Путешественники описывали Францию как милитаризованное государство, где армия занимала центральное место в общественной жизни, а культ военной службы, славы и подчинения власти распространялся на разные социальные группы, включая молодежь. В травелогах подчеркивалось, что при Наполеоне военная карьера стала одной из наиболее доступных и престижных форм социального продвижения, а военная символика проникала даже в сферу воспитания и повседневной культуры.

Британские авторы признавали высокие боевые качества французских солдат: стойкость, храбрость, выносливость, гибкость и способность переносить лишения. Французский боевой дух трактовался как сочетание неутомности, честолюбия, энергии и стремления к славе; война изображалась не только как обязанность, но и как особая страсть, укорененная в национальном характере. Вместе с тем оценки французской армии были неоднозначными. Одни путешественники отмечали силу чувства воинской чести, другие указывали на его поверхностность, связывая это с культом личной славы, преданностью Наполеону и недостатком ответственности перед нацией. Критике подвергались также последствия милитаризации общества: размывание границы между гражданином и

солдатом, распространение военных ценностей на гражданскую жизнь, моральная деградация части военных и зависимость армии от деспотической власти.

Сопоставление французской и британской армий занимало значимое место в травелогах. Английские авторы признавали мастерство, храбрость и военный опыт французов, однако противопоставляли им дисциплину, порядок, физическую силу и профессионализм британских солдат. Особое внимание уделялось внешнему виду французских войск, разнообразию униформы, особенностям военного обучения, состоянию кавалерии, пехоты и военных училищ. Несмотря на поражение Франции, путешественники фиксировали устойчивую гордость французов за свою армию и убежденность в ее превосходстве.

В современной гуманитарной науке нация понимается как исторически сложившаяся устойчивая общность, формирующаяся в рамках государства современного типа и объединенная языком, территорией, культурой, политико-экономическими условиями и общими интересами. В XIX в. на фоне политических трансформаций, международной напряженности и национально-освободительных движений проблема национального сознания приобрела особую значимость. В этом контексте травелоги стали важным источником изучения представлений о «национальном»: в английской путевой литературе Франция и французы осмыслялись как средство самоидентификации британцев. Сопоставляя французов с собой, английские путешественники уточняли представления о собственном национальном характере.

В английских травелогах начала XIX в. французский национальный характер описывался как совокупность устойчивых, но противоречивых черт. Путешественники отмечали общительность, разговорчивость, открытость, любовь к публичному общению, салонам, кафе, клубам и иным пространствам коммуникации. Французская культура представала как «культура слова», где умение вести беседу, производить впечатление и быть замеченным приобретало особое значение. Наряду с этим британские авторы подчеркивали индивидуализм французов, их стремление к личной славе, тщеславие, склонность жить напоказ, зависимость от общественного мнения и убежденность в культурном,

интеллектуальном и политическом превосходстве Франции. Важное место занимали также наблюдения о религиозном скептицизме и антиклерикализме.

Одновременно французы изображались как народ жизнерадостный, темпераментный, восприимчивый к удовольствиям, переменам и коллективным эмоциональным проявлениям. Английские путешественники подчеркивали их легкость в смене политических симпатий, лозунгов и общественных настроений, что особенно ярко проявлялось в описаниях революционной толпы.

Британские путешественники рассматривали повседневную жизнь французов как важнейшее пространство проявления национального характера и одновременно как средство осмысления собственной английской идентичности. В отличие от французского понимания нации, связанного прежде всего с гражданством и политико-правовой принадлежностью, английские авторы придавали большее значение языку, происхождению, традициям, обычаям и манерам. Поэтому особое внимание они уделяли бытовым практикам, формам общения, нормам приличия и поведению французов в частной и публичной сфере. В их наблюдениях Франция предстает как общество противоречий: внешняя учтивость и респектабельность сочетались с грубостью манер, театральностью поведения, самоуверенностью и, по мнению англичан, нравственной неустойчивостью, усиленной революционными потрясениями и наполеоновскими войнами.

Наиболее остро эти противоречия проявлялись в оценках французских женщин, семейной жизни и морали. Английские авторы противопоставляли строгие представления о женской добродетели, скромности и семейной верности, характерные для британского общества, более терпимому отношению французов к нарушениям нравственных норм. Француженки среднего сословия нередко описывались как трудолюбивые жены и заботливые матери, тогда как представительницы высшего света и парижского общества воспринимались как кокетливые, раскованные и чрезмерно свободные в манерах. Особую критику вызывали раздельность супружеской жизни, автономия женского пространства, слабость семейных связей и контраст между строгим воспитанием девушек до брака и последующей свободой замужних женщин.

Вместе с тем французская повседневность привлекала англичан живостью, открытостью, гостеприимством, искусством беседы, тягой к литературе, театру, моде и эстетическому самовыражению. Провинциальная Франция казалась более патриархальной и доброжелательной, а деревенские праздники, пищевые привычки и формы досуга демонстрировали отличия от английского уклада. В описаниях французского дома, одежды, застолья и светского общения постоянно подчеркивалось соединение изящества и небрежности, утонченности и беспорядка, любезности и возможного лицемерия. В итоге французское общество в британских травелогах предстает как более разговорчивое, открытое и внешне изысканное, но менее сдержанное, менее семейно ориентированное и более свободное в вопросах морали. При этом подобные оценки отражали не только реальные черты французского быта, но и культурные установки, предубеждения и ценностные ориентиры самих английских наблюдателей.

Заключение. Подводя итоги, следует сказать, что британские травелоги начала XIX века являются значимым источником для изучения образа Франции и французов в европейском культурном сознании.

Анализ путевых заметок эпохи Реставрации показывает, что пространственный образ Франции складывался на пересечении просветительских представлений о влиянии среды на национальный характер, личных наблюдений авторов и политико-исторического контекста. Путешественники рассматривали климат, ландшафт, дороги, облик провинциальных городов, архитектуру и общественные пространства Парижа как ключ к пониманию французских нравов, вкусов и форм социальной жизни.

Военно-политические образы «своих» и «чужих» формировались под влиянием Наполеоновских войн, послевоенной обстановки и потребности британцев в национальной самоидентификации. Франция воспринималась как пространство недавнего противостояния, где следы войны, фигура Наполеона, состояние армии и общественные настроения становились важными элементами интерпретации «чужого».

Значительное место в травелогах уделялось национальному характеру французов, их манерам и быту. Среди устойчивых черт выделялись общительность, жизнерадостность, любовь к беседе, восприимчивость к переменам, тщеславие и склонность к публичному самовыражению. Однако эти качества часто получали амбивалентную оценку. Например, открытость могла трактоваться как болтливость, а национальная гордость как высокомерие. Через описание повседневности британские авторы противопоставляли французскую «светскость» английской «домашности».

Таким образом, британские травелоги о Франции начала XIX в. представляют собой ценный источник для изучения восприятия «чужой» культуры, а созданные в них образы Франции были сложными и многослойными.

Дальнейшая работа над этой тематикой имеет большой потенциал для улучшения межкультурного взаимопонимания народов и сотрудничества между «своими» и «чужими».